

Анна
ШАХОВА

— ВАНИЛЬНЫЙ —
ЗАПАХ СМЕРТИ

— ЖУРНАЛ —

Анна Шахова
Ванильный запах смерти
Серия «Частный детектив Люша Шатова»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7002096
Ванильный запах смерти: АСТ; М.; 2014
ISBN 978-5-17-082478-6

Аннотация

Молодой супружеской паре, едва сводящей концы с концами, достается по наследству миниотель в Подмосковье. Это ли не подарок судьбы? Впрочем, радость новоявленных бизнесменов сменяется паникой. От отравления наркотиками погибает именитый постоялец. Свидетеля его смерти также пытаются отравить. И это только начало страшных преступлений, происходящих на пространстве небольшого загородного дома. Череда убийств, кража раритетов, таинственное исчезновение главного подозреваемого рождает взаимоисключающие версии, в которых запутывается и официальное следствие, и частный детектив Люша Шатова. К тому же райский уголок, ставший проклятым местом, таит для самой сыщицы смертельную опасность...

Содержание

Пролог	5
Глава первая	7
Глава вторая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анна Шахова

Ванильный запах смерти

© Шахова А.

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Малому бизнесу России – с почтением, состраданием и сестринской любовью

Пролог

Мой юный сын-китаист, не только повышения языкового уровня ради, но и познания жизни для, устроился работать в Поднебесной в крупную фирму, с руководством которой он, без излишнего панибратства, подружился. И узнал от воротил-миллионщиков кинематографически затейливую историю их восхождения, которую кратко изложил мне в письме. От рассказа веяло чем-то родным, вечным и беспощадным. Кроме сентиментального «все люди – братья» захотелось воскликнуть: «Гвозди бы делать из этих людей!» Итак, история...

...берет свое начало во мраке лихих и сумрачных девяностых, в самом их зачине. Крестьянский сын Мин Сян тогда служил надзирателем в тюрьме на севере Китая. Впрочем, кровь и юность позвали его прочь от родных рецидивистов – в Иркутск, динамично развивающийся город одной, вставшей на путь первоначального накопления капитала, экс-сверхдержавы. Там он обосновался на базаре, где приторговывал разным незатейливым скарбом китайского происхождения. Будучи человеком предприимчивым и взяв на вооружение имя Миша, учебник грамматики русского языка и первую славянскую жену, сын маньчжурских степей стремительно пошел в гору – стал возить русский лес на другой берег Амура. Здесь он уже оброс всеми приличествующими серьезному человеку атрибутами: телохранителями, шестисотым «Мерседесом», ингушской братвой, любовницами, рыцарской способностью выпить ведро водки и ходить с рогатиной на медведя. Увы, за вертикальным взлетом последовало зубодробительное падение, которое вернуло Мишу за рыночный прилавок. Но товарищ Сян – человек необъятного жизнелюбия и платоновского оптимизма – не стал унывать, а начал все с чистого листа. И, черт возьми, снова достиг успеха!

Тут на сцену вышла знойная и хваткая выпускница факультета русского языка Муданцзянского университета Таня (Тан Цзинь), приехавшая в Иркутск за работой и красивой жизнью. Два блудных китайских отпрыска столкнулись, что поначалу вылилось в плодотворное сотрудничество, а после и свадьбу. Здесь бы и поставить жирную точку, но с приходом миллениума дела у наших героев окончательно расстроились. И они приняли решение бежать обратно на родину – на этот раз в южную ее часть, город Гуанчжоу. Миша устроился разнорабочим, а Таня принялась ловить рюске челноков и продавать им все тот же до боли знакомый, незатейливый китайский скарб. Понемногу клиентура росла, и чета мужественно зарегистрировала транснациональную корпорацию «О...» – пока в полуподвальном помещении за чертой города.

И наконец, произошло самое забавное: с трапа самолета Киев – Гонконг сошел улыбчивый одесский бизнесмен с большой дороги Антоха. Он двигался по рынкам электроники Гуанчжоу и прикупил там ровно ТЫСЯЧУ мобильных телефонов, которые и отправил своим друзьям в Украину.

Из всей тысячи работающих оказалось только... ДВА! Антоха схватился за голову. Надо отметить, что в начале нулевых Китай представлял собой довольно дикое место: по-английски никто не говорил (включая Антоху), зато при виде иностранца на улицах улюлюкали, показывали пальцем и здоровались все от мала до велика. Пантагрюэлистическая культура тоже пребывала на высоте: все пердели, рыгали, плевались, смеялись и вообще развлекались как могли, – одним словом, торжествовал бардак. В таких невыносимых условиях предъявлять претензии о ДЕВЯТИСОТ ДЕВЯНОСТА ВОСЬМИ неработающих телефонах оказалось выше Антохиных сил, поэтому он решил найти русско-китайского интерпретатора – хотя бы для того, чтобы

объяснить своим незадачливым поставщикам, что они гомосеки в плохом смысле слова.

Так состоялось судьбоносное знакомство Антохи с Мишей Сян и Таней Цзинь, которые помогли ему материально, морально и в довесок предложили работать вместе. А потом кто-то из далеких украинских товарищей Антохи решил купить в астрономических количествах китайскую фурнитуру для мебели, и все завертелось.

Вот так одесский парень приехал в Китай на недельку за телефонами и экзотикой, а остался на долгие годы – бизнес оказался нажористым. Сейчас все трое чувствуют себя хорошо. Антоха увлекается машинами класса люкс, кулинарией и компьютерными играми, Миша – женщинами и мыслями, как все лучше обустроить, а Таня – круглосуточной работой и детьми, младшие из которых ходят в школу в Гонконге, а старшая изучает литературу в Англии. Компания «О...» (не лишенная здорового раздолбайства) пока на плаву, и я сейчас сижу в офисе, немного растрепанный и помятый. Вот такая история!

С приветом, сын!

Точку в истории, понятное дело, ставить рано. Сорокалетние миллионеры могут не единожды разориться, но, будьте уверены, наподобие отброшенных с арены бультерьеров, вновь ринутся в бой. Ведь кроме характера, исполинской работоспособности и железных нервов они обладают одним из ценнейших качеств – вписываться в жесткую бизнес-систему, по лекалам которой безукоризненно кроены.

К счастью или на беду, не всем эта портняжная процедура подходит.

Анна Шахова

Глава первая Подарок судьбы

Лето перевалило на вторую половину – время, когда в городе иссохших тополей и палевых газонов жители понуждали себя с трудом дышать, двигаться и мыслить. Сонная одурь разливалась в сверкающем пространстве: пафос света и пекла, как любой затянувшийся праздник, превратился в утомительную горячку с похмельным, сухим послевкусием. Ни островки запыленных парков, ни раскаленные фонтанчики, ни климат-контроли лимузинов, ни кондиционеры, роняющие бессильные слезы на отмостки домов, не спасали от вязкого жара. Ртуть, втиснутая в стеклянные трубки термометров подскочившим кровавым столбом, вопила: тридцать три градуса в тени! Это в средней-то полосе! В Москве!.. И даже лазуритовые ночи не сулили долгожданной передышки: распахнутые в ночь створки окон замирали молящими, но отвергнутыми руками. Спасаться приходилось бегством: к морю – с его бризом и влагой или в гущу леса – в хвойный сумрак.

Новенький мини-отель «Под ивой» расположился в подбрюшьи такого леса. Замечательным местоположением сего заведения делала и близость Москвы-реки: прежний хозяин позаботился об огороженном, крохотном, но личном кусочке пляжа. Нынешние владельцы – молодая супружеская чета – не могли привыкнуть к свалившемуся на них счастью. Дело в том, что трехэтажный бревенчатый дом с двенадцатью спальнями, гостиной с камином, добротной кухней и террасой, увитой актинидией, достался скромным московским служащим чудесным образом. В марте раздался телефонный звонок.

– Могу я услышать Василия Ивановича Говоруна или Дарью Александровну Орлик? – Вкрадчивый баритон сочился народным маслом: бесценным и благодатным.

– Да, я у телефона, – напрыглась Даша.

– С вами говорит доверенный Марка Ивановича Говоруна – Роман Романович Костянский. Вы, быть может, слышали, что сводный брат вашего мужа... скончался. – Масло приправилось уместной горчинкой. – И он оставил вашему супругу небольшую часть своего бизнеса. Мини-отель в Подмоскovie. Прелестное место. Прелестное... Бизнес молодой, едва налаженный, но к нему вам причитается некоторая сумма, которая позволит раскрутить проект.

Неожиданно голос говорящего поскукнел:

– Если, конечно, вы не захотите отель продать... Желающих на сей лакомый кусок полно, уверяю вас...

Даша чуть не вскрикнула:

«Да какой бизнес?! Мы получку распределить на месяц не в состоянии...»

Но благоразумно промолчала, представив ошеломленное, сияющее лицо своего мужа при таком фантастическом известии.

– А почему э-э... Марк Иванович оставил Василию бизнес? Они ведь даже не знакомы.

– Вот это и мучило Марка Ивановича последние годы! Матушка его не хотела соединения братьев. Что, некоторым образом, жестоко. Несправедливо. Согласны?

– Д-да... – Даша не припоминала, чтобы Василий сокрушался об отсутствии в своей жизни какого бы то ни было брата. Он привык быть первым, главным и единственным.

– Что ж, Дарья Александровна, давайте встречаться. – В голосе собеседника зазвучали торжественные нотки.

И достославная встреча, после которой супруги стали обладателями райского уголка Подмоскovie, состоялась. До этого момента они знали о Васином брате лишь то, что он родился за тридцать лет до младшего Говоруна и в начале девяностых эмигрировал за

границу. Но, оказывается, Марк Иванович давно вернулся в Россию и наладил серьезный гостиничный бизнес. Мини-отель «Под ивой» был сущей безделицей – всего лишь милым капризом бизнесмена. Поначалу он предназначался для летнего проживания самого предпринимателя, но супруга его не жаловала родные просторы, поэтому небольшой дом расширили, снабдили всем необходимым для отеля, и в прошлом году он впервые принял постояльцев – в основном друзей коммерсанта. А спустя полгода Марк Иванович умер, успев оставить подробные распоряжения относительно своего имущества. Оказалось, что он-то всегда следил за судьбой сводного брата...

Юная Марья Петровна, прелестница из Твери, познакомилась с будущим мужем – решительным, порывистым Иваном Ивановичем Говоруном – около ГУМа. Экскурсия в столицу заканчивалась, и, провожая новую знакомую в родной город, немолодой, но импозантный Иван Иванович предложил синеглазке с осиной талией руку и сердце, запрыгивая за ней в вагон. Из вагона его выпроводили – но не раньше, чем он услышал растерянное «Да».

Говорун женился на Васиной матери в возрасте пятидесяти шести лет. А через десять – почил, оставив молодую супругу-машинистку с восьмилетним сыном в коммунальной квартире. От первой своей жены Иван Иваныч ушел, оставив ей кооперативную квартиру, с одним дерматиновым чемоданом: две сорочки да три пары белья. Похоронив мужа, Марья Петровна стучала на своей машинке, а позже – на компьютере до артрозных судорог в пальцах, но вывела Васю в люди! Он закончил престижный технический вуз, начал работать инженером на огромном предприятии, которое реанимировали после упадочных девяностых, женился. И все бы могло считаться более-менее благополучным в его жизни, если бы... не телепрограмма «Ищу вторую половину». Около года назад, ужиная покупными пельменями, из которых жена Даша умудрялась варганить супчик, сдобренный специями, он поперхнулся, услышав фразу безапелляционной ведущей:

– И что же, молодой человек, кроме оклада в семьдесят пять тысяч у вас никаких заработков больше нет? А на что же вы семью собираетесь содержать?

Две другие тетки-соведущие согласно закивали, будто подкидывая дровишек в печку, на которой румянился и, кажется, уже пускал пар потенциальный жених.

Вася стукнул жирной ложкой по столу, оставив на белой салфеточке, которую опрометчиво постелила сегодня жена, жирное розовое пятно.

– Вот интересно, разбил сейчас дядя Витя из Твери телевизор или пожалел ублюдочный экран? У него оклад семнадцать восемьсот плюс тринадцатая! Для кого эти передачи делаются, Даш?! Для Сергея Зверева с Михаилом Прохоровым?

– Ну, эти-то навряд ли ищут вторую половину, – буркнула Даша, убирая со стола пустую тарелку.

– А какая?! Какая зарплата сейчас в России может считаться нормальной? Вот чтобы семью кормить и детей заводить? Хотя бы двоих? – Вася был очень темпераментен. В отца. И говорлив. Видно, в их роду испокон веков оберегали корневую черту, отразившуюся в фамилии.

– Васюнь, я не знаю... Нам хватает, и ладно.

Даша выключила телевизор и стала организовывать чайный стол.

– А что ты меня жалеешь?! Посмотри на свои джинсы! Третий год не снимаешь. Так... – Вася оттолкнулся от стола и начал покачиваться на стуле, взнуздывая его на две ножки (чего терпеть не могла Даша, но смиренно терпела). – Машины нет! Квартира твоей бабки... Счета в банке нет! И зарплата у меня со всеми надбавками... ты сама знаешь какая. – Вася поочередно выбрасывал пальцы правой руки, будто вел отсчет до пуска ядерной боеголовки.

– Обычная, Вась. Скоро тебя сделают заведомом, и будет во-он сколько!

– А сколько, Даш, будет? Пятьдесят?! – Вася встал, отшвырнув стул, и завертелся на месте: маленькая кухонька не давала возможности маневрировать. – Да мы никогда в Испанию не слетаем! Хоть трижды меня заводителом сделают. А если кто-то из нас заболеет? Раком? А?! На что в Германии лечиться-то будем? Я уж не говорю о тратах на ребенка. Он ведь тоже может в любой момент... выскочить. Ребенок-то... – Вася дернул опасливо рукой, будто потенциальный ребенок стоял в одном ряду с грабителями, выскакивающими из подворотни.

Даша выложила на тарелочку несколько кусков лимонного пирога, который опасалась подавать целиком – Вася не замечал, как съедал все до крошки.

– Васюнь, ну что за фантазии? При чем тут лечение в Германии, отдых в Испании. На отдых, кстати, можно мою зарплату откладывать.

– Ага! До Второго пришествия мы твою мульти-пультишную зарплату будем откладывать.

Даша рисовала мультфильмы. Благо в последние годы анимация в России возродилась, и теперь Даше находилась работа не только по рисовке носов и бровей. Она даже разработала целый образ героя второго плана – строптивного петуха.

– Ну почему, – приуныла жена. – За год вполне можно скопить.

Муж с досадой махнул рукой и придвинул стул. Брякнувшись на него, он схватил кусок пирога, который стал молниеносно исчезать в скорбно вращающемся Васином рту.

Видно, именно тогда в голове Говоруна и засела эта навязчивая идея – заняться «как все люди бизнесом». Раньше она посещала инженера лишь в виде отвлеченной, безжизненной теории. Отныне он всерьез вознамерился претворить ее в жизнь.

– Димка возит из Китая пластмассу. Смотри! – кричал он жене, заставляя ее усаживаться напротив и наблюдать за движением ручки по листу. – Вот столько он платит таможене. Столько – закупка. Это – транспорт. Это – налоговая хрень... А вот это цена! Конечная. Ты видишь?! – взвизгивая, он тыкал ручкой в цифры. – Триста процентов навар! Я смотрел каталоги – к лету можно по-настоящему подняться на продаже пластиковой мебели!

Через пару недель мебель сменяли канцтовары. Потом – прожекты о кредите на собственное производство древесины. Далее – кожа, лицензия на золото, полиграфические услуги, сувениры...

Вася чах, не спал ночами, высчитывал прибыли и риски, висел на телефоне, бегал на какие-то «серьезные встречи», опустошив материну пенсионную записку, дабы приодеться и обзавестись атрибутами «делового человека» – навороченный телефон, портфель, ручка, пальто. На часах закончились материны «гробовые», и Вася приуныл. Портфель пылился в прихожей, ручка сохла внутри портфеля, а бизнес – паскуда! – и не думал материализовываться.

Говорун чуть не вылетел с работы за прогулы и попал с язвой в больницу. Российскую. В которой его отличным образом подняли на ноги.

Даша убрала портфель на антресоли, а пальто в шкаф с лавандовыми отдушками против моли: благо наступала зима и супруги перешли на китайские пуховики.

А в марте раздался звонок Романа Романовича Костянского.

– Ну, давай уже, не стесняйся, Лёва, давай свой шедевр. – Василий вырвал листок из рук смущенно поникшего Льва Гулькина.

Хозяин и подчиненный являли собой разительный контраст. Молодой Говорун был курнос, статен, светловолос (правда, в последнее время сказалась наследственность – Вася начал лысеть с макушки).

Пятидесятипятилетний Лев Гулькин – мастер на все руки, живший неподалеку от отеля, еще в прошлом году подрядился служить Говорунам, занимаясь всем понемногу: элек-

трикой, доставкой продуктов, отделкой бани, – выглядел со своим крючковатым носом и копной черных артистических кудрей человеком творческим. Что ж, таким он и родился: художником. Если бы не фатальное невезение. До тридцати лет Гулькин ежегодно поступал на актерский, пока не уgomонился в районном театре самодеятельности. Кроме того, он виртуозно владел четырьмя аккордами на шестиструнной гитаре, писал стихи и прозу, которой забрасывал издательства, а также разводил цесарок (птицы периодически дохли сплошняком, но Лева с упорством истинного заводчика покупал новое поголовье). Услышав, как хозяйка обсуждают наполнение сайта, который становился экстренно необходим для успешного развития бизнеса, Лева всю ночь писал рекламный текст главной страницы. Он, кстати, рассчитывал, что Василий Иванович оценит и его фотографический талант, разместив Левинины фото отеля и местных красот в Интернете.

Василий пробежал глазами цветистый текст, нахмурился и решительно сел в плетеное кресло: вчитываться. В этот момент на террасе появилась одна из отдыхающих – Зульфия Абашева, представлявшаяся всем без исключения как Зуля. Несмотря на взятый недавно сорокалетний рубеж, выглядела Зуля сногшибательно: высокая, гибкая, с ярким хищным лицом. Абашева принадлежала к редкой породе людей, за которыми хочется наблюдать. Киноактеры этого разряда могут не читать монологов Настасьи Филипповны или Ричарда Третьего – им достаточно отрешенно смотреть в пространство, касаться рукой лба, класть ногу на ногу, дежурно улыбаться – за ними будут следить с неослабевающим вниманием. Возможно, это и есть проявление истинной харизмы?

Харизматичная Зуля явилась с пляжа в розовом парео с видневшимся под ним купальником из тесемочек.

– Чудесная вода! Никогда бы не подумала, что в Подмоскowie можно получать удовольствие от купания. Только течение все портит. Боюсь далеко заплывать.

Осознав, что звук ее чувственного голоса не привлекает внимания, Зуля уселась в кресло, вытянув длинные ноги, на которые с опаской уставился Гулькин. Он стоял, ссутулившись, у кресла хозяина.

– Что за роковое послание? – обратилась Зуля к Говоруну.

– Да вот сайт разрабатываем. Текст вроде неплохой, – вздохнул Василий.

– Дайте-ка. – Зуля бесцеремонно выдернула бумагу из Васиных рук.

– Я как-никак профессиональный редактор.

Абашева, несмотря на фривольный вид отдыхающей, находилась на работе. Она приехала с народным артистом России, стареющим плейбоем Глебом Архиповичем Федотовым. В прошлом году он не смог откликнуться на приглашение своего старого знакомого Марка Говоруна, но сейчас актер работал над книгой воспоминаний и решил, что лучшего места для уединения на природе не найти. Убедившись, что сам он до обидного бестолково формулирует мысли на бумаге, Федотов нанял литературного обработчика – Зульфию Абашеву, которая некогда помогала с книгой его коллеге – ныне покойной приме одного из академических театров.

Как правило, Глеб Архипович наговаривал воспоминания на диктофон, но иногда Зуля записывала за ним с лету, по телефону – подчас смешные и грустные случаи вспоминались любимцу публики в непредвиденных обстоятельствах: с похмелья на рассвете, при посещении парикмахера, в самый драматичный момент при просмотре кинофильма. Так, умирающая от пули фашиста героиня советской драмы вдруг навеяла Федотову воспоминания о спасенном им от рогатки коте. Эпизод с милосердным пионером Глебушкой получился очень жалостливым. Правда, узнавая Федотова ближе, Зуля начала подозревать, что не Глебушка, а ОТ Глебушки спасали кота: Федотов терпеть не мог хвостатую живность.

Абашева мгновенно прочла литературный перл Гулькина:

«Каждый из нас старается поймать фортуна за хвост! День и ночь мы слышим лихорадочный топот мириады ног – все спешат, все втянуты в безудержную гонку, все выбиваются из сил, у всех трясутся руки, дрожат коленки, бешено стучит сердце и томится душа – ведь успех, маячащий на горизонте, по-прежнему далёк... А счастье от нас ускользает...

Пожалуйста, остановитесь на минуту, отдышитесь, посмотрите на себя, взгляните в тех суматошных людей, которые, суется, спотыкаясь и падая, проносятся мимо Вас по большой дороге жизни.

Так, может быть, счастье – это задумчивое личико, нежная ручка, подпирающая подбородок, пара нежных, затуманенных слезами глаз, обращённых в прошлое, смутно темнеющих в ночи тенистой аллеи Времени?

Вопрос только, где это прошлое, где эта тенистая аллея Времени? Да, всё правильно! Запоминайте адрес: ...Именно здесь, стоя в тиши под мерцающим куполом неба, Вы поймёте, что человек достоин большего, чем даёт ему его жизнь».

Зуля помахала листком:

– И кто создал сей говносиропный опус? «Трясутся руки», «томится душа», «затуманенные глаза, обращенные в прошлое», «аллея времени»... Жуть с рогами! Если бы я узнала, что отелем заправляют... чудаки с претензией на творческий поиск, ни за что не поехала бы.

– Ну, а что бы написали вы? – выпалил бордовый от смущения Вася.

Зуля погладила накладным синим ногтем пухлую нижнюю губку – излюбленный ее жест. После чего непререкаемо ткнула перстом в бумажку.

– Я бы вместо невразумительного бреда про купол неба указала на отличный спуск к реке и рыбалку, наличие настольного тенниса, бильярда и русской бани. Вместо аллеи посулила прогулку по девственному лесу. И главное – упирала на тишину и малолюдность. Десяток постояльцев – это вам не восьмизэтажный отель с дискотекой. Ну, шеф-повара своего легендарного приплетите. И баста! Свою целевую аудиторию вы уже схватили. И еще. «Топот мириады ног» – это перебор даже для местного графомана.

Зульфья царственно скривилась – даже улыбку на этих инфузорий ей тратить не хотелось, и, поднявшись, прошептала в дом.

– Василий Иваныч! Так я и хотел после этого вступления! После затравки, так сказать, и обрисовать красоты поконкретнее, – залепетал Лева, всем видом своим символизируя фразу о «художнике, которого обидеть может каждый!».

Вася, ставший из бордового лиловым, ткнул в Гулькина листком с «затравкой»:

– Поконкретнее, пожалуйста.

И в крайнем раздражении сбежал с террасы. Василий видел, что жена вздумала перед самым «файв-о-клоком» отправиться в лес. С подозрительно большой сумкой. Уж не рисовать ли? Вопиющий наплевизм!

Новые хозяева учредили в отеле «семейное» чаепитие в семнадцать часов на террасе. Инициатором выступил креативный Василий. Он сам растапливал шишками ведерный самовар, купленный по дешевке у бабки на трассе.

Даша, конечно, покорила: надевала белоснежную наколку, крахмальный фартучек и женственное платье стили «ню-люк»: утянутая талия, пышная юбка, легкий верх. Стройной Даше платье шло. Но столь призывный, обтягивающий силуэт был непривычен для двадцатилетней женщины, предпочитавшей джинсы и ветровки. И эта роль официантки... Нет, конечно, она выглядела гостеприимной рачительной хозяйкой, и ревность за новое дело с каждым днем разгоралась, даже появлялся азарт, сноровка. Но сколько же это отнимало

сил, нервов, времени! Даша рабски уставала. И ночами, лежа без сна, увещевала себя тем, что люди дела и должны уставать, чтобы добиться результата.

– Даша, это наша работа, жизнь! – тряс Василий руками перед женой, когда она готовилась к выходу к гостям, как на эшафот. – Все изменилось – ты должна стать бизнес-леди. Понимаешь? Как это здорово! Самостоятельность, новые знакомства, прибыли. Эх, Дашка! – Василий в экстазе кидался на кровать, закидывал мечтательно руки за голову, и жест этот навевал Даше воспоминания о советских фильмах, где положительные герои сплошь романтики и энтузиасты. – Как представлю, что это может быть началом большого пути, – голова кругом! Сеть отелей в Подмоскowie, на Кавказе... Для начала. Потом – на разведку в Европу.

– Хорошо бы окупить этот сезон, – вздыхала Даша, которую Говорун заставлял вести ежедневную бухгалтерию. Траты нарастали, как снежный ком, а финансовая «подпитка», оставленная покойным благодетелем, стремительно таяла. Цены же за проживание супруги твердо решили держать пока на демократичном уровне – необходимо было завлекать клиентуру. А завлекалась она со скрипом: два-три номера все время пустовали.

Говорун решил пробежаться к лесу, на поляну с островками васильков, которые покоя, видите ли, не давали его супруге «ван-гоговским оттенком». С ума сойти! Василий шел, широко размахивая руками и шурясь от палящего солнца. Жару он терпеть не мог, и эта горячая, истеричная погоня за несознательной женой, будто за нашкодившей кошкой, бесила его и отнимала остатки сил, которых и так не хватало на чертову пропасть гостиничных дел. Говорун по привычке бормотал себе под нос:

– Какой вмняемый человек променяет серьезное, настоящее дело, приносящее доход, на рисование за бесценку тысяч примитивных картинок? Лягушки, грибочки... Тьфу!! Нет, в свободное время для души ковыряйся хоть со всеми оттенками мира! А по уму, для дела на курсы бухгалтеров беги, чтобы наконец всерьез помогать мужу в финансовых вопросах. Нет! Она снова с холстом на пленэр шмыгнуть норовит.

Василий дернул травинку – хотел сунуть сладкий стебель в рот, но лишь полоснул острым листом по пальцу, обрезался и в бешенстве дернул рукой.

Все семейство Орлик было не от мира сего, что безумно раздражало Василия. Тесть преподавал черчение и рисование в школе. Это после архитектурного института! Ему даже в голову не приходило устроиться в перестроечные годы в дизайнерскую или строительную контору. «Трусость! Трусость и инертность!» – выносил свой вердикт Говорун. Даша лишь пожимала плечом: «Свобода и покой ему дороже».

Теща тоже занималась «любимым делом» – шила кукол. «До пятидесяти лет все наиграться в пупсиков и фей не может! Нет чтобы свое экскурсионное бюро организовать, будучи профессиональным гидом со знанием немецкого! Так нет – для нее важнее покой, творчество, призвание. Какие-то картонные слова из зачитанной книжки для оправдания бесхребетной, рафинированной жизни!» – вел бесконечный внутренний спор с женой Говорун.

Порой казалось, что взбешенный Василий готов разорвать всяческие отношения с безалаберной Дашей. Но это был традиционный ритуал выпуска пара. Таким уж уродился Говорун: классическим делателем слонов из мух, неисправимым холериком. Близкие с его словесными извержениями смирились. «Ну, характер... Что ж теперь? Зато он Дашу любит», – вздыхали старшие Орлики.

Василий полюбил Дарью с первого взгляда. Она стояла на пыльной Ордынке, перегордив мольбертом узкий тротуар, и, не замечая натывшихся на нее пешеходов, рисовала храм «Всех скорбящих Радость». Гладкие темные волосы до плеч, узкий нос, небольшие карие глаза – задумчивые, сосредоточенные на своем, всегда сосредоточенные на своем! Мягкая линия губ, длинные руки. И вся она – в простеньких джинсах и футболке – устремленная ввысь, тонкая, без тени вычурности и позерства. Художница водила грифелем, будто совершала колдовские пассы: казалось, подвижные пальцы летали над листом, и на бумаге

волшебным образом проступало изображение. Ощущение волшебства и загадки оставалось рядом с Дашей всегда. Иногда Говорун просыпался от безотчетного страха, что жена исчезла. Как эльф, подхваченный лунным светом из окна.

Дарья тоже полюбила Василия сразу, безоговорочно и глубоко. Так бывает: один взгляд – и ты принимаешь человека целиком. С его манерой шурить глаза, вечно что-то доказывать, с ужасной привычкой барабанить пальцами по столу и качаться на стуле, с его смехом вздохом, нежностью и фантазиями. «Ты МОЙ родной человек», – говорила Даша мужу, когда он с извечной мнительностью спрашивал, что она могла найти в «задрипанном инженере». Они были бесконечно разными. И бесконечно близкими: сужеными, назначенными друг другу судьбой.

Подбежав к жене, поглощенной смешением красок на палитре, Василий уже истратил запас суточного гнева. Посапывая, он уткнулся подбородком в Дашино плечо:

– Ну, получается?

– Это может примирить со всем, что происходит вокруг, – вздохнула Даша и, сдвинув широкополую панаму на затылок, опустила на траву. Муж сел рядом и обнял ее.

Покой и радостная, жизнеутверждающая красота сине-зеленого пространства – васильковой поляны, клином разрезавшей темную громаду леса, вдруг отозвалась в душе Говоруна воспоминанием о белом солнце из детства. Они с мамой ездили летом в деревню, и путь до бабкиного дома шел через поле, изнемогавшее от жара, залитое светом. Упругие колосья выступали сомкнутыми рядами стражей: Васе казалось, что под такой защитой все в его маленькой жизни идет правильным, надежным путем. «Всё путём!» – встречал их пьяненький дед и, наклонившись к внуку, колотил его щеку репьем своей, небритой...

– Василий на васильковой поляне. Просто символ какой-то. Знак. – Даша поудобнее устроилась в мужниных руках. – Тебе нравится? – она подбородком показала на картину, где из сонма хаотичных точек проступала гладь травы и цветов.

– Да не то слово! Ван Гогу и не снилось, – хмыкнул Василий и поднялся вслед за женой, которая, посмотрев на часы, вспорхнула и начала торопливо собирать художнический скарб.

Жара не располагала даже здесь, «Под ивой», к активным передвижениям в разгар дня – все предпочитали отдавать дань Морфею. После четырех начиналось легкое оживление: кто-то выходил в холл купить газировки, кто-то распахивал окно, выключая кондиционер и пуская живой воздух, кто-то курил на балкончике, любуясь серебряной листвой огромной ивы, растущей с северной стороны дома. Потом раздавались смешки, громкие голоса, топот на лестнице – и к пяти гости сходились, нарядные и румяные после сна, на террасе.

Сегодня первой свое место за столом заняла дальняя родственница Даши – Лика Травина: толстенькая улыбчивая женщина без возраста, преданная «нарядной» одежде с люрексом и детскому крему как универсальному косметическому средству. Тонкие соломенные волосы она стригла под «гарсон», который немилосердно подчеркивал ее круглые щеки. Даша пообещала ей проживание за полцены и теперь с ужасом считала дни до отъезда Лики, когда откроется правда: с гостями рассчитывался ТОЛЬКО муж. Лика принарядилась в кумачовую футболку с блестящей пандой на груди. Зуля, выйдя на террасу и уставившись на объемный бюст Травиной, аж поперхнулась, приветствуя ее.

– Вы, Зуленька, как всегда, неотразимы! – расплылась в бесхитростной улыбке Лика. Зуля вымучила крокодилий оскал и уселась, сверкая загорелыми плечами. Она была в донельзя открытом сарафанчике лососевого цвета. Копну каштановых кудрей Абашева собрала высоко на затылке. Расположившийся напротив редакторши Степан Никитич Бултыхов глаз не мог оторвать от ее лебединой шеи.

Описать внешность самого Степана Никитича представлялось большой проблемой. Он был классически невзрачен: ни толст ни тонок, ни стар ни молод, русый, с простова-

тым лицом и серыми глазами, а довершали невзрачный образ бесформенные усики. Приехал по рекомендации то ли соседа, то ли приятеля покойного хозяина. Он так мало и невразумительно говорил, что Василий отказался от идеи завести дружески-деловые связи с этим бирюком. Приехал сам – и ладно. Чем занимался Бултыхов, также оставалось загадкой. В течение недели, что Степан Никитич проживал в отеле, он с рассветом уходил на рыбалку – незначительный улов торжественно вручал местному приبلудному коту, а после сидел с газетами на террасе, потягивая мятный настой. К спорту, прогулкам и купанию Бултыхов не проявлял ни малейшего интереса.

– Дашенька, мне бы, как всегда, кофейку, – голосом капризного ребенка обратилась Абашева к хозяйке, расставляющей вазочки с печеньем и кексами на столе.

– Хотя бы раз попробуйте наши травяные чаи, Зуленька, – сказал Василий, водружая с превеликой осторожностью устрашающий самовар на стол.

Зуля в ответ скривилась:

– Все они для меня на один вкус: крапива крапивой. Нет-нет, и не пытайтесь сделать из кофеманки чаеманку. Это также бессмысленно, как делать из кошатника собачника.

– А вы сами, конечно же, кошатница, – пробурчал Бултыхов в усы.

И страшно смутился, натолкнувшись на колючий взгляд.

– Отчего же? Собачница. У меня французский бульдог Кузя. Жуткий храпун и пердун.

– Какая прелесть! – хлопнула пухлыми ладошками Лика. – На кого же вы его оставили?

Зуля оставила вопрос Травиной без ответа, беря из рук Даши свой «американо». На приготовление кофе, как и вообще на кухню в этом смехотворном обиталище, Абашева пожаловаться не могла. И где только эти супруги-дилетанты раздобыли такого повара?

– Лёвочка Зиновьевич! Идите к нам! – крикнула Лика, взмахнув рукой.

От входа, мимо теннисного стола, к дому шел Гулькин с тюками в руках.

Даша сделала мужу «страшные» глаза. Вася категорически запрещал прислуге болтаться около гостей. Хозяйка умолила сделать для Гулькина исключение, когда речь шла о Лике. Тут явно вырисовывалось что-то романтическое с явной перспективой на дальнейшие отношения.

– Вечер добрый, господа! – почтительно поприветствовал всех, склонив голову, Гулькин и, послав ослепительную улыбку Лике, прошествовал к черному ходу, где его уже встретила хмурая, но исполнительная горничная Ида: она с утра ждала чистое белье из прачечной. Только творческий Лева в заботах о создании креативного сайта совсем позабыл о простынях и полотенцах.

Надсадный баритон заставил постояльцев вздрогнуть. Герой-любовник Федотов не мог эффектно не обставить свой выход к собравшимся. На этот раз он прибегнул к арии Германа из «Пиковой дамы». Народный артист вплыл на террасу в сопровождении пожилой отдыхающей – ярко накрашенной, очень продуманно одетой и поддерживающей безупречный маникюр Адели Вениаминовны Пролетарской. Главной заботой старушки, пекущейся о внешних приличиях и сохранении себя в форме, была маскировка устрашающего второго подбородка. Сегодня Адель Вениаминовна накрутила на шею лиловый шелковый платочек, в тон юбке и аметистовым серьгам.

– «Что наша жизнь? Игра!» – Глеб Архипович обрушил последнее слово с такой силой на голову семенящей рядом с ним Адели Вениаминовны, что та споткнулась, но, подыгрывая милому ребячеству актер актерыча, очаровательно рассмеялась. Спускаясь по лестнице, эти двое успели поспорить.

– Нет-нет, Адель Константиновна, тут вы меня не убедите никогда. Любой, я подчеркиваю, любой человек играет роль. Находится в образе. Причем в каждую конкретную минуту – в определенном, заданном предлагаемыми обстоятельствами.